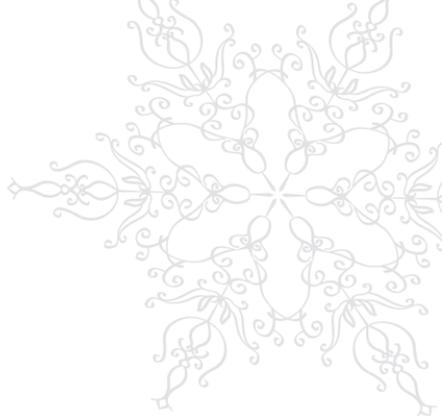
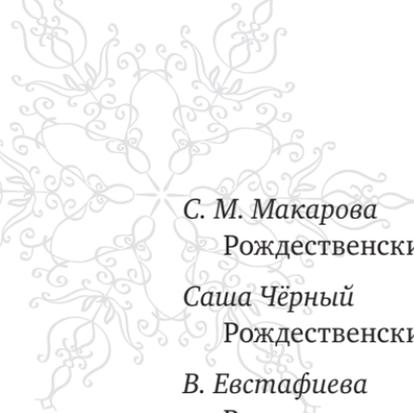

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. И. Куприн</i> Бедный принц	7
<i>А. Фёдоров-Давыдов</i> Хаврошина ёлка	19
<i>В. В. Розанов</i> С Рождеством Христовым!	26
<i>В. А. Никифоров-Волгин</i> Серебряная метель	33
<i>И. С. Шмелёв</i> Рождество	40
<i>К. В. Лукашевич</i> Рождественский праздник	54
<i>Н. И. Манасеина</i> Кирюшка	65
<i>А. В. Круглов</i> В канун Сочельника	85
<i>Л. А. Чарская</i> Ёлка через сто лет	93
<i>А. Аверченко</i> Продувной мальчишка	102
<i>Г. Т. Северцов-Полилов</i> В Рождественскую ночь	110
<i>Н. А. Лухманова</i> Чудо Рождественской ночи	117

<i>С. М. Макарова</i>	
Рождественский фонарь	134
<i>Саша Чёрный</i>	
Рождественский ангел	140
<i>В. Евстафиева</i>	
Ваня	146
<i>И. А. Бунин</i>	
Волхвы	161
<i>И. Потапенко</i>	
Бурная ночь	165
<i>А. Н. Толстой</i>	
Ёлка.....	178
<i>Д. В. Григорович</i>	
Зима.....	184
<i>Е. Н. Поселянин</i>	
Святочные дни	195
<i>Л. Андреев</i>	
Ангелочек.....	203

А. И. КУПРИН

БЕДНЫЙ ПРИНЦ

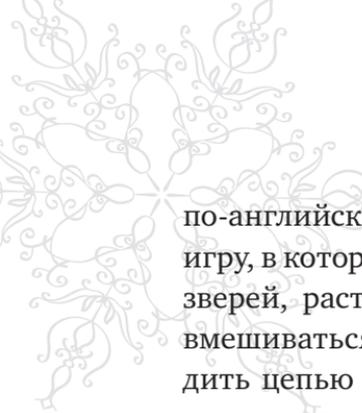

I

«Замечательно умно! — думает сердито девяти-
«З летний Даня Иевлев, лёжа животом на шкуре
белого медведя и постукивая каблук о каблук
поднятых кверху ног. — Замечательно! Только
большие и могут быть такими притворщиками. Са-
ми заперли меня в тёмную гостиную, а сами раз-
влекаются тем, что увешивают ёлку. А от меня тре-
буют, чтобы я делал вид, будто ни о чём не догады-
ваюсь. Вот они какие — взрослые!»

На улице горит газовый фонарь, и золотит мо-
розные разводы на стеклах, и, скользя сквозь ли-
стья латаний и фикусов, стелет лёгкий золотистый
узор на полу. Слабо блестит в полутьме изогнутый
бок рояля.

«Да и что весёлого, по правде сказать, в этой ёл-
ке? — продолжает размышлять Даня. — Ну, при-
дут знакомые мальчики и девочки и будут притво-
ряться, в угоду большим, умными и воспитанными
детьми... За каждым гувернантка или какая-ни-
будь старенькая тётя... Заставят говорить все время

по-английски... Затеют какую-нибудь прескучную игру, в которой непременно нужно называть имена зверей, растений или городов, а взрослые будут вмешиваться и поправлять маленьких. Велят ходить цепью вокруг ёлки и что-нибудь петь и для чего-то хлопать в ладоши; потом все усядутся под ёлкой, и дядя Ника прочитает вслух ненатуральным, актёрским, «давлучим», как говорит Сонина няня, голосом рассказ о бедном мальчике, который замерзает на улице, глядя на роскошную ёлку богача. А потом подарят готовальню, глобус и детскую книжку с картинками... А коньков или лыж уж наверно не подарят... И пошлют спать.

Нет, ничего не понимают эти взрослые... Вот и папа... он самый главный человек в городе, конечно, самый учёный... недаром его называют городской головой... Но и он мало чего понимает. Он до сих пор думает, что Даня маленький ребёнок, а как бы он удивился, узнав, что Даня давным-давно уже решил стать знаменитым авиатором и открыть оба полюса. У него уже и план летающего корабля готов, нужно только достать где-нибудь гибкую стальную полосу, резиновый шнур и большой, больше дома, шёлковый зонтик. Именно на таком аэроплане Даня чудесно летает по ночам во сне».

Мальчик лениво встал с медведя, подошёл, волоча ноги, к окну, подышал на фантастические морозные леса из пальм, потёр рукавом стекло. Он худощавый, но стройный и крепкий ребёнок. На нём коричневая из рубчатого бархата курточка, такие

же штанишки по колено, чёрные гетры и толстые штиблеты на шнурках, отложной крахмальный воротник и белый галстук.

Светлые, короткие и мягкие волосы расчёсаны, как у взрослого, английским прямым пробором. Но его милое лицо мучительно бледно, и это происходит от недостатка воздуха: чуть ветер немного по сильнее или мороз больше шести градусов, Даню не выпускают гулять. А если и поведут на улицу, то полчаса перед этим укутывают: гамаши, меховые ботики, тёплый оренбургский платок на грудь, шапка с наушниками, башлычок, пальто на гагачьем пуху, беличьи перчатки, муфта... опротивеет и гулянье! И непременно ведёт его за руку, точно маленького, длинная мисс Дженерс со своим красным висячим носом, поджатым прыщавым ртом и рыбьими глазами. А в это время летят вдоль тротуара на одном деревянном коньке весёлые, краснощёкие, с потными счастливыми лицами, уличные мальчишки, или катают друг друга на салазках, или, отломив от водосточной трубы сосульку, сочно, с хрустением жуют её. Боже мой! Хотя бы раз в жизни попробовать сосульку. Должно быть, изумительный вкус. Но разве это возможно! «Ах, простуда! Ах, дифтерит! Ах, микроб! Ах, гадость!»

«Ох, уж эти мне женщины! — вздыхает Даня, серьёзно повторяя любимое отцовское восклицание. — Весь дом полон женщинами — тётя Катя, тётя Лиза, тётя Нина, мама, англичанка... Женщины, ведь это те же девчонки, только старые...

Ахают, суетятся, любят целоваться, всего пугаются — мышей, простуды, собак, микробов... И Даню тоже считают точно за девочку... Это его-то! Предводителя команчей, капитана пиратского судна, а теперь знаменитого авиатора и великого путешественника! Нет! Вот назло возьму, насушу сухарей, отолью в пузырьёк папиного вина, скоплю три рубля и убегу тайком юнгой на парусное судно. Денег легко собрать. У Дани всегда есть карманные деньги, предназначенные на дела уличной благотворительности».

Нет, нет, всё это мечты, одни мечты... С большими ничего не поделаешь, а с женщинами тем более. Сейчас же схватятся и отнимут. Вот нянька говорит часто: «Ты наш принц». И правда, Даня, когда был маленький, думал, что он — волшебный принц, а теперь вырос и знает, что он бедный, несчастный принц, заколдованный жить в скучном и богатом царстве.

2

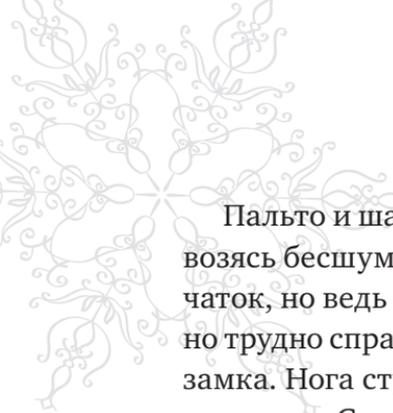
Окно выходит в соседний двор. Странный, необычный огонь, который колеблется в воздухе из стороны в сторону, поднимается и опускается, исчезает на секунду и опять показывается, вдруг остро привлекает внимание Дани. Продышав ртом на стекле дыру побольше, он приникает к ней глазами, закрывшись ладонью, как щитом, от света фонаря. Теперь на белом фоне свежего, только что выпавшего снега он ясно различает небольшую, тесно

сгрудившуюся кучку ребятишек. Над ними на высокой палке, которой не видно в темноте, раскачивается, точно плавает в воздухе, огромная разноцветная бумажная звезда, освещённая изнутри каким-то скрытым огнём.

Даня хорошо знает, что всё это — детвора из соседнего бедного и старого дома, «уличные мальчишки» и «дурные дети», как их называют взрослые: сыновья сапожников, дворников и прачек. Но Данино сердце холодеет от зависти, восторга и любопытства. От няньки он слышал о местном древнем южном обычае: под Рождество дети в складчину устраивают звезду и вертеп, ходят с ними по домам — знакомым и незнакомым, — поют колядки и рождественские кантики и получают за это в виде вознаграждения ветчину, колбасу, пироги и всякую медную монету.

Безумно смелая мысль мелькает в голове Дани, — настолько смелая, что он на минуту даже прикусывает нижнюю губу, делает большие, испуганные глаза и съёживается. Но разве в самом деле он не авиатор и не полярный путешественник? Ведь рано или поздно придётся же откровенно сказать отцу: «Ты, папа, не волнуйся, пожалуйста, а я сегодня отправлюсь на своём аэроплане через океан». Сравнительно с такими страшными словами, одеться потихоньку и выбежать на улицу — сущие пустяки. Лишь бы только, на его счастье, старый толстый швейцар не торчал в передней, а сидел бы у себя в каморке под лестницей.

Пальто и шапку он находит в передней ощупью, возясь бесшумно в темноте. Нет ни гамаш, ни перчаток, но ведь он только на одну минутку! Довольно трудно справиться с американским механизмом замка. Нога стукнулась о дверь, гул пошёл по всей лестнице. Слава богу, ярко освещённая передняя пуста. Задержав дыхание, с бьющимся сердцем, Даня, как мышь, проскальзывает в тяжёлые двери, едва приотворив их, и вот он на улице! Чёрное небо, белый, скользкий, нежный, скрипящий под ногами снег, беготня света и теней под фонарём на тротуаре, вкусный запах зимнего воздуха, чувство свободы, одиночества и дикой смелости, — всё это как сон!..

3

«Дурные дети» как раз выходили из калитки соседнего дома, когда Даня выскочил на улицу. Над мальчиками плыла звезда, вся светившаяся красными, розовыми и жёлтыми лучами, а самый маленький из колядников нёс на руках освещённый изнутри сделанный из картона и разноцветной папиросной бумаги домик — «вертеп Господень». Этот малыш был не кто иной, как сын иевлевского кучера. Даня не знал имени, но помнил, что этот мальчуган нередко вслед за отцом с большой серьёзностью снимал шапку, когда Дане случалось проходить мимо каретного сарая или конюшни.

Звезда поравнялась с Даней. Он нерешительно посопел и сказал баском:

Бедный принц

— Господа, примите и меня-а-а...

Дети остановились. Помолчали немного. Кто-то сказал сиплым голосом:

— А на кой ты нам ляд?!
И тогда все заговорили разом:

— Иди, иди... Нам с тобой не велено водиться...

— И не треба...

— Тоже ловкий... мы по восьми копеек сложились...

— Хлопцы, да это же иевлевский паныч, Гаранька, это — ваш?..

— Наш!.. — с суровой стыдливостью подтвердил мальчишка кучера.

— Проваливай! — решительно сказал первый, осипший, мальчик. — Нема тут тебе компании...

— Сам проваливай, — рассердился Даня, — здесь улица моя, а не ваша!

— И не твоя вовсе, а казённая.

— Нет, моя. Моя и папина.

— А вот я тебе дам по шее, — тогда и узнаешь, чья улица...

— А не смеешь!.. Я папе пожалуюсь... А он тебя высекет...

— А я твоего папу ни на столечко вот не боюсь... Иди, иди, откудава пришёл. У нас дело товариское. Ты небось денег на звезду не давал, а лезешь...

— Я и хотел вам денег дать... целых пятьдесят копеек, чтобы вы меня приняли... А теперь вот не дам!..

— И всё ты врёшь!.. Нет у тебя никаких пятьдесят копеек.

— А вот нет — есть!..

— Покажи!.. Всё ты врёшь...

Даня побренчал деньгами в кармане.

— Слышишь?..

Мальчики замолчали в раздумье. Наконец сильный высморкался двумя пальцами и сказал:

— Ну-к что ж... Давай деньги — иди в компанию. Мы думали, что ты так, на шермака хочешь!.. Петь можешь?..

— Чего?..

— А вот «Рождество Твоё, Христе Боже наш»... колядки ещё тоже...

— Могу, — сказал решительно Даня.

4

Чудесный был этот вечер. Звезда останавливалась перед освещёнными окнами, заходила во все дворы, спускалась в подвалы, лазила на чердаки. Остановившись перед дверью, предводитель труппы — тот самый рослый мальчишка, который недавно побранился с Даней, — начинал сиплым и гнусавым голосом:

— Рождество Твоё, Христе Боже наш...

И остальные десять человек подхватывали вразброд, не в тон, но с большим воодушевлением:

— Воссия мирови свет разума...

Иногда дверь отворялась, и их пускали в переднюю. Тогда они начинали длинную, почти беско-

нечную колядку о том, как шла царевна на крутую гору, как упала с неба звезда красна, как Христос народился, а Ирод сомутился. Им выносили отрезанное щедрой рукой кольцо колбасы, яиц, хлеба, свиного студня, кусок телятины. В другие дома их не пускали, но высылали несколько медных монет. Деньги прятались предводителем в карман, а съестные припасы складывались в один общий мешок. В иных же домах на звуки пения быстро распахивались двери, выскакивала какая-нибудь рыхлая толстая баба с веником и кричала грозно:

— Вот я вас, лайдаки, голодранцы паршивые... Гэть!.. Кыш до дому!

Один раз на них накинулся огромный городской, закутанный в остроконечный башлык, из отверстия которого торчали белые, ледяные усы:

— Що вы тут, стрекулисты, шляетесь?.. Вот я вас в участок!.. По какому такому праву?.. А?..

И он затопал на них ногами и зарычал зверским голосом.

Как стая воробьёв после выстрела, разлетелись по всей улице маленькие христовславщики. Высоко прыгала в воздухе, чертя огненный след, красная звезда. Дане было жутко и весело скакать галопом от погони, слыша, как его штиблеты стучат, точно копыта дикого мустанга, по скользкому и неверному тротуару. Какой-то мальчишка, в шапке по самые уши, перегоняя, толкнул его неловко боком, и оба с разбега ухнули лицом в высокий сугроб. Снег сразу набился Дане в рот и в нос. Он был нежен

и мягок, как холодный невесомый пух, и прикосновение его к пылавшим щекам было свежо, щекотно и сладостно.

Только на углу мальчишки остановились. Городовой и не думал за ними гнаться.

Так они обошли весь квартал. Заходили к лавочникам, к подвальным жителям, в дворницкие. Благодаря тому, что выхоленное лицо и изящный костюм Дани обращали общее внимание, он старался держаться позади. Но пел он, кажется, усерднее всех, с разгоревшимися щеками и блестящими глазами, опьянённый воздухом, движением и необыкновенностью этого ночного бродяжничества. В эти блаженные, весёлые, живые минуты он совершенно искренно забыл и о позднем времени, и о доме, и о мисс Дженерс, и обо всём на свете, кроме волшебной колядки и красной звезды. И с каким наслаждением ел он на ходу кусок толстой холодной малороссийской колбасы с чесноком, от которой мёрзли зубы. Никогда в жизни не приходилось ему есть ничего более вкусного!

И потому при выходе из булочной, где звезду угостили тёплыми витушками и сладкими крендельками, он только слабо и удивленно ахнул, увидя перед собою нос к носу Нину и мисс Дженерс в сопровождении лакея, швейцара, няньки и горничной.

— Слава тебе господи, нашёлся наконец!.. Боже мой, в каком виде! Без калош и без башлыка! Весь дом с ног сбился из-за тебя, противный мальчишка!

Славильщиков давно уже не было вокруг. Как недавно от городского, так и теперь они прыснули в разные стороны, едва только почуяли опасность, и вдали слышался лишь дробный звук их торопливых ног.

Тётя Нина — за одну руку, мисс Дженера — за другую повели беглеца домой. Мама была в слезах — бог знает, какие мысли приходили ей за эти два часа, когда все домашние, потеряв головы, бегали по всем закоулкам дома, по соседям и по ближним улицам. Отец напрасно притворялся разгневанным и суровым и совсем неудачно скрывал свою радость, увидев сына живым и невредимым. Он не меньше жены был взволнован исчезновением Дани и уже успел за это время поставить на ноги всю городскую полицию.

С обычной прямоотой Даня подробно рассказал свои приключения. Ему пригрозили назавтра тяжёлым наказанием и послали переодеться. Он вышел к своим маленьким гостям вымытый, свежий, в новом красивом костюме. Щёки его горели от недавнего возбуждения, и глаза весело блестели после мороза. Очень скучно было притворяться благовоспитанным мальчиком, с хорошими манерами и английским языком, но, добросовестно заглаживая свою недавнюю вину, он ловко шаркал ножкой, целовал ручку у пожилых дам и снисходительно развлекал самых маленьких малышей.

— А ведь Дане полезен воздух, — сказал отец, наблюдавший за ним издали, из кабинета. — Вы

дома его слишком много держите взаперти. Посмотрите, мальчик пробежался, и какой у него здоровый вид! Нельзя держать мальчика всё время в вате.

Но дамы так дружно накинулись на него и наговорили такую кучу ужасов о микробах, дифтеритах, ангинах и о дурных манерах, что отец только замахал руками и воскликнул, весь сморщившись:

— Довольно, довольно! Будет... будет... Делайте, как хотите... Ох, уж эти мне женщины!..

1909

А. ФЁДОРОВ-ДАВИДОВ

ХАВРОШИНА ЁЛКА

СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ

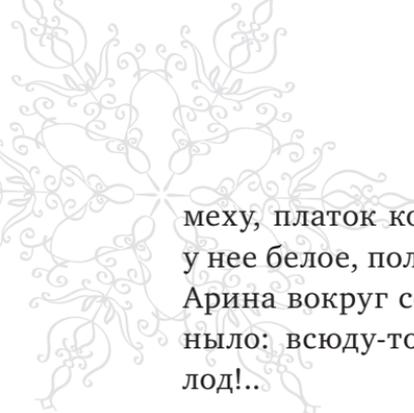
I

На самом краю деревни Деурина стояла избёнка солдатской вдовы Арины Паниной. Незадолго до Рождества, этак дней за пять, приехала к Арине из Питера старшая сестра Варвара, с которой она лет десять не видалась.

Обрадовалась сестре Арина, расцеловались сёстры, и пошли у них разговоры без конца.

Служила Варвара десять лет в няньках у богатых господ; а как барчата их подросли, она и отошла от места. Жила Варвара у господ, как сыр в масле каталась: еда хорошая, на праздники подарки дарят: либо шубёнку, либо платье, либо деньгами. Всего было!.. Вон два сундука всяким добром набиты, да триста рублей у неё на хранении лежат... Вот поживёт тётка Варвара у сестрицы, в монастырь деньги внесёт, и дадут ей келейку, чтобы дожить ей тихо, мирно и беспечально...

И видит Арина — сидит перед ней Варвара барыня-барыней: платье шерстяное, шубка на лисьем

меху, платок ковровый на плечи накинут; лицо у нее белое, полное, руки холёные. А посмотрела Арина вокруг себя — и сердце у нее от боли заняло: всюду-то беднота, нужда горькая да голод!..

2

А вечером, после ужина, и стала тётка Варвара прожитьё-бытьё городское сказывать. Чисто мёд с молоком слова у неё текли. Хавроша, дочь Арины, и про сон забыла — наострила уши, слово боится пропустить...

Арина слушала молча, и всё её досада да зависть разбирали. Уж больно им-то с Хаврошей тяжело жилось! И одеться не во что, и иной раз хлеба перекусить не приходится...

— Вот, — рассказывала тётка Варвара, — сейчас Рождество наступает. И пойдёт по всему городу веселье, пляс — сердце радуется. А для ребят ёлки там устраивают!..

И пошла Варвара сказывать, как купят господу ёлку, обрядят её конфетками, пряниками, игрушками разными, яблоками да орехами — и детям её подарят. А дети свечи на ней зажгут и давай вокруг ёлки плясать да сласти рвать.

Словно зачарованная слушала Хавроша тётку Варвару. А Арина и говорит:

— То-то деньги у господ без глаз: куда не швыряют!

Тётка Варвара даже обиделась за господ:

Хаврошина ёлка

— Что ж, сестрица, — не всем же по-свински жить, вроде вас!.. Тоже и себя, и детей потешить охота!.. А что деньги зря бросают, это точно... Вон, намедни ёлку пошли покупать — приступу к ёлкам нет: либо три рубля, либо пять, а то и десять рублей отдают... Вот что!..

— Десять целковых?.. — Арину даже в жар бросило. — На десять-то целковых мы бы полгода беспечально жить могли.

Хавроша так и заснула в радужных мечтах. А на утро Арина и сказала Хавроше:

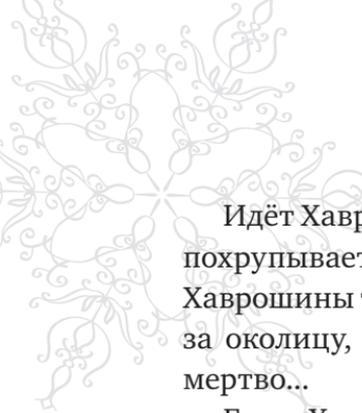
— Сходи, доченька, на село, к учительше Клавдии Васильевне: поклонись от меня, скажи, разнедужилась-де я вовсе, не даст ли мучки с четвертку, да масла, да полтинник — праздник встретить. Скажи, у сестры просила — и слышать не хочет: какие, говорит, у меня деньги?.. Да ты, Хавроша, у учительши и переночуй, а ночью не ходи...

Живо собралась Хавроша: материнскую кацавейку надела, платком обмоталась, валенки обула. Потом под лавку сунулась и отцовский топор разыскала... Заткнула его за платок назад и пошла в путь-дорогу... Хавроша-то себе на уме... Недаром она с вечера тёткины рассказы слушала...

3

Лютый мороз трещит на дворе. Солнышко, всё окутанное мглой, стоит на небе красное, словно сердится на кого!..

Идёт Хавроша — скорым-скоро; «хруп-хруп» — похрупывает мёрзлый снег под валенками, а думы Хаврошины так сами на крыльях её и несут. Вышла за околицу, спустилась к реке тихо-тихо, кругом мертво...

Беги, Хавроша, беги, касатка, не то смёрзнешь, такая-сякая!.. Студёно!.. Руки-то коченеют, под кацавейку мороз набирается, и нос вишенкой горит. Вошла Хавроша в лес, устала, запыхалась. Да слава Богу, вон, в стороне стоит ёлочка, какую ей надо: кудреватенькая, высоконькая, аккуратная такая!.. Достала Хавроша топор и полезла по сугробам к ёлочке. Ноги вязнут в снегу: не то что по пояс, а по горло Хавроша в сугроб ушла. Да ничего, выкарабкалась!..

Ох, только уж вот этот мороз!.. Скрючил он пальцы у Хавроши — не разогнёшь; топор не удержишь в руках, а не то что рубить... Стала Хавроша на пальцы дуть, да мороз дух захватывает, всё в ней стынет!.. Даже заплакала Хавроша.

Чу!.. Скрипят полозья, лошадь фыркает!.. Никак едет кто!..

Ободрилась Хавроша, оглянулась и видит, что точно кто-то едет, да никак свой...

— Дядя Андрей!.. Андре-ей!.. — На дороге за елями остановились розвальни, и вся лохматая, словно обсахаренная, лошадёнка дымилась от пара... Бородатый рыжий мужик сошёл с саней и оглянулся...

— Хаврошка?.. Да как ты сюда попала?..

Хаврошина ёлка

— Да я за ёлкой!.. А ты в город?..

— В город и есть!..

— Сруби, дядя Андрей, ёлку-то... В город свезём.

Ишь, тётка сказывала, господам они нужны... Деньги платят...

Мужик почесал затылок и сказал:

— А что, братец ты мой, и то!.. И тебе срублю, и себе пяток возьму... Продадим и то... Ступай, ложись в сани-то, прикройся веретьем, а я, дай срок, нарублю...

Нарубили ёлок, навязали и поехали.

— А что, братец ты мой, — сказал Андрей, — кабы не случай, смёрзла бы в лесу ни за грош! либо заяц бы тебя залягал!.. Ишь, востроносая, что удумала!..

4

Шумно, людно на базаре. Скоро святки!.. Живо раскупили у дяди Андрея целый воз ёлок. Осталась только Хаврошина ёлка. Жаль Хавроше ёлку продавать. А дядя Андрей ворчит:

— Что ж мне с тобой до ночи на морозе-то мёрзнуть?.. Продавай, что ли, пора...

В это время мимо проходила какая-то барыня с девочкой.

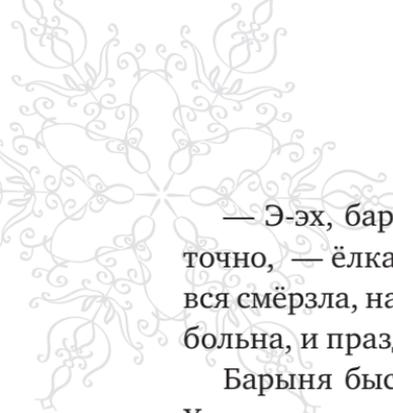
— Что стоит ёлка?.. — спросила барыня.

— Три рубля, — пролепетала Хавроша.

— Да ты с ума сошла! — вскрикнула барыня. —

Вся-то ей цена 25 копеек.

Дяде Андрею даже обидно стало.

— Э-эх, барыня!.. — сказал он горько. — Оно точно, — ёлка ничего не стоит, — да девчонка-то вся смёрзла, на морозе-то стоя; а дома-то у неё мать больна, и праздник нонче!..

Барыня быстро достала три рубля и сунула их Хавроше...

Вечер. Тускло чадит лампочка в Арининой избёнке.

Тётка Варвара сидит за столом и ужинает. Арина, ещё слабая от болезни, встала и прибирает посуду.

— Сердце-то не на месте, — говорит она, — и где это Хавроша запропала!..

В это время под окнами с надворья завизжали полозья; слышались глухие голоса... Собака залаяла. Кто-то стукнул в окно, и Варвара, крихтя и ворча, пошла отпирать ворота... Дверь с визгом распахнулась, клуб пара вырвался из избы...

— Хавроша!..

— Вот тебе пропащая твоя!.. — проворчала тётка Варвара, вешая шубу на гвоздь... — Ишь, в городе побывала... ну, и шустрая же!.. Ты послушай, чудес-то каких она натворила!..

На другой день был сочельник. В деревне все знали, что наделала Хаврошка, и об этом только и говору было.

А в сумерки тётка Варвара, весь день сидевшая у окна туча-тучей, окликнула сестру и сказала ей:

— Слышь ты, сестра... Одолела, значит, меня Хаврошка твоя... Вот что!.. Да... Хотела я в мона-

Хаврошина ёлка

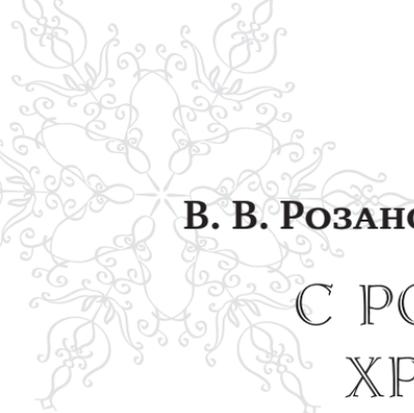
стырь пристроиться; ну, так что вижу, Господь мне указал, чтобы вас, значит, не покидать... Да... Ну, и останусь я жить у вас, и там что насчёт денег, всё это можно. А только ты-то уж меня при старости корми, пои!.. Одолела меня девчонка твоя!.. И шустрая же, сейчас помереть...

Арина чуть не до земли поклонилась сестре и только всего и сказала:

— Благослови тебя Бог, сестрица... Вместе и жить станем, вместе и к Господу Богу пойдём!..

1914–1916 (?)

В. В. РОЗАНОВ

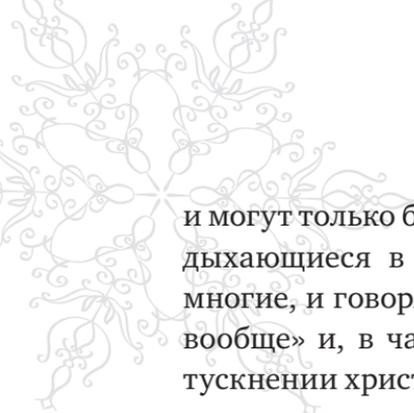
С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Снова в сознании и в чувствах народных рождается Предвечный Младенец, — рождается в вертепе, то есть в пещере, куда на ночь сирийские пастухи загоняли свой скот, охраняя его от хищных зверей. Снова приходят поклониться Младенцу и Богу сперва пастыри, то есть пастухи окрестных стад; и затем приносят Ему дары, золото и благовонные смолы «волхвы с Востока», — дары, знаменующие и священническое, и царское служение рождённого Младенца. Так в этих чертах, и простых и народных, говорящих что-то «своё» и «родное» каждой бедной хижине, — и вместе в чертах небесных и религиозных, уже предрекающих будущие звонь христианских церквей, родился наш Христос, научивший людей и народы новой истине, новой правде; родился Тот, Кто возвестил всем новый закон благодатного существования.

«Своё», «родное» говорит каждой хижине Рождество Христово. Никакие царства и никакие власти, никакие обширные и новые законы, требующие от

С Рождеством Христовым!

человека повиновения и говорящие ему языком приказания, — не могли бы внести и не вносят того внутреннего содержания, того сердечного говора, какой принёс людям Рождённый Младенец. Здесь разница и разделение религии от царств. И здесь причина, что все царства и власти склоняются перед религиею, ибо даже для них-то, для этих царств, религия даёт больше царственного и законодательного, чем сколько они содержат в себе. Религия даёт внутреннее убеждение, собственное влечение человека следовать лучшему, благороднейшему, человеческому. Навстречу закону, суровому и внешнему, с его тоном приказания, — и раньше, чем он умел приказать, — религия вызывает порывы в самом человеке, не только совпадающие с законом, но и дающие «благодатную прибавку». Никаким законом и никакими его строгостями нельзя бы вызвать того сияния подвига и добрых дел, какими бывает наполнена, — и до сих пор часто, не говоря о ранних веках христианства, — жизнь деятельного и порывистого христианина. «Христа ради» — это относится не до одних нищих... «Христа ради» воздвигаются больницы. «Христа ради», через сборы по копейке, воздвигнуты все наши храмы. «Христа ради» льётся и льётся добро из щедрых рук в руки неимущие, — и этот поток до сих пор, через 1900 лет после рождения Божественного Младенца, так велик, обилен и энергичен, что говорить об «угасании христианства» могут только больные языки, покрытые струпиями,

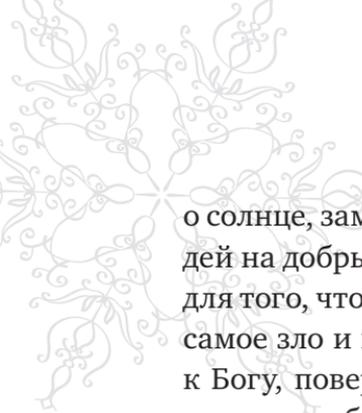
и могут только больные изнеможенные совести, задышающиеся в собственном эгоизме. А говорят многие, и говорят с радостью о «падении религии вообще» и, в частности, об «изношенности и потускнении христианства», — радуясь, что «исчезают предрассудки и суеверия». Но народ им не уступит «своего» и «родного», о чем мы сказали выше. Толща народная хорошо знает, что светская безрелигиозная филантропия оставит их голыми на снегу, что она из тысячи накормит только одного, — не будь народного движения сюда «Христа ради», не будь в самой толще народной порыва делиться с соседом, кормить неимущего, — не ради себя и не ради своей человечности, не ради своего образования и учёности, но «ради Христа», Который жертвою за человечество научил и каждого жертвовать для человечества.

И тысяча девятьсот лет не истощился этот поток. Померкли царства и силы, сколько республик пало и монархий разрушилось! — а поток христианских чувств и сила благотворения его не пала; и никто не спрашивает: «Скажите, где же проявление христианского добра?» Оно — везде, добрый читатель, — умеет только смотреть; оно в самом тебе, даже если ты отрицаешь христианство, потому что ты уже смотришь совсем новым глазом на человека, на бедняка или больного. И этот новый взгляд или, точнее, этот новый глаз рождён в тебе Христом и христианством, воспитан в тебе церковью и молитвою в родительском доме: ибо об

С Рождеством Христовым!

этом ничего не говорит тебе алгебра с геометрией, не говорят филология и медицина, не говорили тебе школьные учителя, торопливо занятые совсем другими предметами и иными темами. Но, как сосуд с дорогим миром долго ещё сохраняет аромат мира после того, как из него исчерпано или из него выплеснуто на землю миро, и даже черепки разбитого сосуда долго пахнут тем же, так точно отвернувшийся от церкви и христианства безбожник долго ещё сам остаётся христианином, останутся христианами даже его дети, что бы ни говорил их язык. И настоящий холод безбожия появится только в третьем поколении, когда «пройдёт уже всё»... Но до такого ужаса никогда не допустит народы Младенец, рождение Которого мы сегодня празднуем.

Христианство — теплота, всемирная теплота. Колыбель — тоже теплота. И ясли, и Младенец в них — всё теплота. В противоположность холодному, бездушному буддизму, в противоположность формальному Моисееву законодательству с его мстительным «око за око и зуб за зуб» и с фарисейским разделением людей и даже предметов на «чистые» и «нечистые», — Христос принёс на землю благодатное царство, где погашена мстительность и где всё «нечистое» освящено благодатью и сделалось чистым. «Не греет ли солнце добрых и злых», не «светит ли оно равно добрым и злым», — изрёк Христос: запас добра и сила добра, которое принёс на землю Божественный Младенец, были столь велики и обильны, что Тот, Кто изрёк это слово

о солнце, замыл даже рану разделения вещей и людей на добрых и злых, на чистых и нечистых. О, не для того, чтобы попустить зло и нечистое, но чтобы самое зло и нечистоту обратить к Богу, повернуть к Богу, повернуть к правде и очищению. Христос именно победил кривое и лукавое, нисколько с ним не согласившись и ни в чём ему не уступив. Он исцелил, исправил, — а не смежил глаза на существенную разницу между добром и злом. Но Он оставил «огонь неугасимый» последних дней для всего, что и после Его учения и Его образа останется упорным, косным и холодным.

Христианство — защита народная, Христос есть заступник народный. Никогда, никогда народ не отступится от этой защиты своей, никогда он не отойдёт в сторону от своего Заступника. Мелкая и неумная школа и некоторые обезумевшие семьи рубят под собою корень, пренебрегая религиозным воспитанием детей, и само пастырство тоже сушит этот корень формальным и внешним исполнением своего благодатного долга и в школе, и в семье. Но 1900 лет держится корень и ещё свеж. Немалое время! — и оно крепит в нас надежды. Пройдут безумные дни, все опамятуются и поймут, что нет воспитания без «закона Божия», нет благодатного роста детей без молитвы, без поставленной в церкви восковой свечи, без всего круга забот и мыслей, нить которых начинается в церкви, а оканчивается на далёкой орбите нашей целокупной деятельности гражданской, служебной, всяческой.

С Рождеством Христовым!

Но, забывая об отрицательных и кривых явлениях душевной и общественной жизни, кончим — обращаясь к добрым. Скажем слово тем, кто верен Христу и христианству, верен Церкви. Пусть смело и твёрдо стоят они на этом камне: не смоеет его цивилизация, не подмоют его науки, ибо этот камень сам их утверждает и всё на нём держится. На правом камне стоите вы, правые и лучшие люди Руси. Только не забывайте: ведите непременно детей ваших к церкви в этот день, приобщайте их морю народному и морю веры народной. Детские впечатления — на всю жизнь. Это относится к возможному небрежению, так распространённому на Руси: будьте бодры и внимательны эти дни, ибо ничто так не воспитывает детей, как правильно вошедший в их душу смысл праздника. Но затем, оставляя рассудительность в стороне, — сами и вольной душой отдайтесь этому празднику; и, помня, что во всем году «Рождество Христово» и связанные с ним «святки» есть главный и единственный семейный праздник всея Руси, — не кидайте драгоценных дней на пустые визиты, светские удовольствия, не спешите в театры и вообще на внешние удовольствия, а старайтесь проводить их лучше дома, делая душою и мыслью с семьёй своей, которой ведь вы по обязанностям службы и всяческого вообще труда — так мало принадлежите, в сущности. Святки — годовой миг воскресенья семьи, или её оживления, тех счастливых её дней, когда все «в сборе» и «дома». Вот этим «в сборе» и надо воспользоваться,

это «дома» надо разработать, украсить узором игр и забав, чистых, весёлых и простодушных. Напомним, что у нас есть (то есть продаётся везде) превосходный большой труд — «Святочная хрестоматия» Швидченка, где родители и взрослые дети найдут всё, что в праздник нужно, в смысле умного развлечения. Тут и народные всевозможные песенки, и игры, и маленькая пьеска для домашнего спектакля. Книжка и собрана (из поверий всех народов), и написана в целях именно дать русской семье невинное и вместе образованное развлечение на дни Святков!

Ну, с Богом! Здравствуйте все, помните бедных и что-нибудь им уделите в праздник! И сами не забывайте Бога и простодушной русской весёлости.

1913

В. А. Никифоров-Волгин

СЕРЕБРЯНАЯ МЕТЕЛЬ

До Рождества без малого месяц, но оно уже обдаёт тебя снежной пылью, приникает по утрам к морозным стёклам, звенит полозьями по голубым дорогам, поёт в церкви за всенощной «Христос рождается, славите» и снится по ночам в виде весёлой серебряной метели.

В эти дни ничего не хочется земного, а в особенности школы. Дома заметили мою предпраздничность и строго заявили:

— Если принесёшь из школы плохие отметки, то ёлки и новых сапог тебе не видать!

«Ничего, — подумал я, — посмотрим... Ежели поставят мне, как обещались, три за поведение, то я её на пятерку исправлю... За арифметику, как пить дать, влепят мне два, но это тоже не беда. У Михал Васильича двойка всегда выходит на манер лебединой шейки, без кружочка, — её тоже на пятерку исправлю...»

Когда всё это я сообразил, то сказал родителям:

— Баллы у меня будут как первый сорт!

С Гришкой возвращались из школы. Я спросил его:

— Ты слышишь, как пахнет Рождеством?

